

Дин Кунц

Город мертвых

Памяти Гилберта К. Честертона, преподнесившего мудрость и суровые истины в самой привлекательной из упаковок, по-доброму и с улыбкой меняя бесчисленные жизни.

Люди способны бесконечно долго не замечать вещи, когда они достаточно велики. Так сложно даже увидеть мир, в котором мы живем.

Г. К. Честертон

1

Перепуганный, с вытаращенными глазами, Уоррен Снайдер застыл в кресле своей гостиной. Он сидел скованно, с прямой спиной, руки лежали на коленях ладонями вверх. Правая кисть то и дело подергивалась. Рот был слегка приоткрыт, и нижняя губа дрожала почти непрерывно.

На его левом виске блестела серебристая бусина. Круглая и гладкая, как шляпка

декоративного обойного гвоздя, она походила на неуместную серьгу.

На самом же деле бусина была набита электроникой, наносхемами и являлась своего рода головкой гвоздя, видимой частью игольно-тонкого зонда, которым выстрелили в его мозг из устройства, напоминающего пистолет. Мгновенная химическая коагуляция ¹ плоти и кости предотвратила кровотечение.

Уоррен безмолвствовал. Ему было приказано хранить молчание, и он утратил силы к сопротивлению. Он не шевелился, если не считать в равной мере произвольные подергивания и дрожь, даже не менял своего положения в кресле, поскольку ему было велено сидеть и не двигаться.

Взгляд мужчины метался из стороны в сторону между двумя точками, на которых он сфокусировался: его женами.

Джуди Снайдер с серебряной бусиной на левом виске и глазами, остекленевшими, как у метамфетаминового наркомана, сидела на диване, сдвинув колени и мирно сложив на них руки. Она, в отличие от своего мужа, не дергалась и не дрожала.

¹ Коагуляция — здесь : прижигание, нанесение ожогов на различные участки тела. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное .)

Джуди, похоже, не знала страха, возможно, потому, что зонд повредил ее мозг иным способом.

Вторая Джуди стояла у окна гостиной, выходящего на улицу, и попеременно вглядывалась то в снежную ночь, то с презрением в двух своих узников. Тех, что принадлежали к роду губителей этой земли. Вскоре этих двоих уведут прочь, словно овец, для воспроизводства и переработки. И однажды, после того как последние представители рода человеческого будут уничтожены, мир станет практически раем, каким когда-то задумывался или когда-либо мог стать.

Эта Джуди не являлась клоном сидящей на диване, ничем не походила на одну из примитивных мясных машин, которыми и были все люди. Ее создали по образу и подобию оригинальной Джуди, но эта иллюзия рассыпалась бы, если бы врачи принялись проверять ее внутреннее строение и природу плоти. Она была создана за несколько месяцев, запрограммирована и выпущена — «рождена» — уже взрослой, в Улье, глубоко под землей. Создатели Джуди не вкладывали в нее никакого дао, кроме определенной программы, она не имела иллюзии по поводу того, что обладает свободой воли, не несла никаких обязательств и прочего перед высшей силой любого рода, за исключением Виктора Лебена, настоящая фамилия

которого — Франкенштейн. Кроме того, она не ждала иной участи и к другой жизни не стремилась.

Сквозь раздвинутые занавески искусственная Джуди наблюдала за тем, как высокий мужчина переходит засыпанную снегом улицу, сунув при этом руки в карманы пальто и запрокинув голову к небу, будто наслаждаясь погодой. Он подошел к дому по главной дорожке, игриво взметая ногами маленькие облачка снега. Джуди не могла видеть его лица, но решила, что молодой человек, вероятно, девятнадцатилетний сын этой семьи, Эндрю Снайдер. Примерно в такое время родители ждали его возвращения домой с работы.

Джуди опустила занавески и прошла через гостиную в фойе. Услышав шаги Эндрю на крыльце, открыла дверь.

— Энди, — сказала она. — Я так волновалась.

Страхивая ботинки, чтобы оставить их на крыльце, Эндрю улыбнулся и покачал головой.

— Мам, ты слишком много волнуешься. Я же не поздно.

— Нет, не поздно, но сегодня вечером в городе творятся жуткие вещи.

— Что именно?

Стоило Эндрю, оставшемуся в носках, шагнуть в фойе, репликант² Джуди закрыла дверь,

² Репликант — андроид, имеющий полное сходство с

повернулась к нему и начала расстегивать его пальто. С лучшей имитацией материнской заботы, на которую была способна, она сказала:

— Ты замерзнешь до смерти при такой погоде.

Стягивая с шеи шарф, Эндрю снова спросил:

— Какие жуткие вещи?

Парень недовольно и недоумевающе хмурился, словно ее возня с его пальто была ей совершенно не свойственна.

Расстегивая пуговицы, она поворачивала его до тех пор, пока дверь в кабинет не оказалась вне поля его периферического зрения.

— Все эти убийства. Это ужасно, — сказала она.

Особо внимательно взглянув на нее, Эндрю спросил:

— Убийства? Какие убийства?

Пока он говорил, из кабинета бесшумно выскользнул его репликант, приблизился к нему и, прижав дуло мозгового зонда к левому виску Эндрю, мгновенно спустил курок.

Лицо молодого человека исказилось от боли, но лишь на мгновенье. Затем его глаза расширились от ужаса, хотя лицо расслабилось, приобретая

определенным человеком.

выражение, подобное тому, какое бывает у лежащих в коме.

— Иди со мной, — сказал репликант Эндрю и повел своего тезку в гостиную. — Сядь на диван.

Эндрю Снайдер, на виске которого каплей ртути дрожала серебристая бусина, подчинился.

Если бы репликант Эндрю решил сесть напротив реального и снова нажать на курок, пистолет не выстрелил бы еще одним пронизывающим череп дротиком. Второй выстрел был бы телеметрической командой, инициирующей трансмиссию от введенной иглы к модулю для хранения данных в неорганическом мозгу репликанта. Через девяносто минут или чуть меньше вся суть жизненного опыта молодого человека — приобретенные знания, воспоминания, лица, потоки образов и звуков — были бы загружены в его имитатора.

Однако цель репликанта заключалась в том, чтобы просто походить на Эндрю Снайдера внешне. Две ночи спустя к этому же времени все жители Рейнбоу-Фоллс будут убиты, воспроизведены и переработаны; не останется ни одного человека, кто знал настоящего Эндрю и кого нужно было бы ввести в заблуждение его выращенным в лаборатории дублем.

В подобных обстоятельствах девяносто минут, в течение которых загружались данные,

были бы пустой тратой времени. Репликанты презирали напрасные траты и отвлекающие факторы. Сосредоточенность и эффективность являлись для них важнейшими принципами. Эффективность была единственной моралью, а единственным аморальным принципом считалась неэффективность.

Их Коммуна, как называли свою новую цивилизацию существа, рожденные в Улье, вскоре приобретет тайную базу, из которой станет неустанно продвигаться дальше по континенту, а затем и по всему миру. Члены Коммуны были воплощением прогресса, финалом истории, концом всей отвратительной кутерьмы человеческих заблуждений и случайных событий, а также началом распланированного будущего, что, согласно точному плану, однажды приведет к полному идеалу всего сущего.

Член коммуны Эндрю Снайдер, уже в одежде для зимней ночи, вышел из гостиной, чтобы присоединиться к члену Коммуны Уоррену Снайдеру, ждавшему его в «Форд-Эксплорере», припаркованном в гараже. Настоящий Уоррен, парализованный в кресле гостиной, являлся главным управляющим и составителем программы передач KBOW, единственной радиостанции города.

В начале каждой жестокой революции те, кто стремится свергнуть существующий порядок, должны захватить контроль над всеми средствами связи, чтобы не дать врагу возможности создания командной структуры, способной организовать сопротивление. Всех работающих в вечернюю смену на KBOW следует взять под контроль и отправить в один из центров, где быстро и решительно переделывалось население Рейнбоу-Фоллс.

Репликант Джуди осталась позади, с Джуди, которую заменила, и двумя мужчинами, покорно сидящими в гостиной. Ее задачей было дождаться транспорта, что прибудет забрать зондированное трио и отвезет его к месту уничтожения.

Даже если бы члены семейства Снайдер находились в сознании, приемлемой компанией они бы не стали. В конце концов, люди были не просто животными, подобными обитателям полей и лесов, а куда хуже всех населяющих Землю видов: тщеславные настолько, чтобы затребовать себе исключительный статус среди всех живых существ, безумные настолько, чтобы верить, будто рождены с душой, а их жизнь наполнена смыслом. Они полагали, что их существование связано с космической судьбой, при том что на самом деле являлись раком в груди Природы.

Несмотря на все претензии людей, они были мясом. Всего лишь мясом. Кровью, костями и мясом. И сумасшествием. Безумием. Они были бешеным мясом, не более того.

Член Коммуны Джуди презирала их. Ей казалось омерзительным и то, как они жили, не обращая внимания на множество недостатков своего окружения.

Ковер в гостиной — вот самый близкий наглядный пример их неполноценности в данном аспекте. Хлопковые ворсинки. Она насчитала шесть комков ворса лишь в области, ограниченной двумя креслами и кофейным столиком перед диваном. И не только комки ворса. Еще и кошачья шерсть. Кошка сбежала через собственную дверцу в кухонной двери, но ее шерсть оставалась повсюду.

Порядок был важным принципом, не менее важным, чем сосредоточенность и эффективность. Последнее поистине недостижимо в состоянии беспорядка. Прежде чем можно будет достичь идеальной эффективности, следует установить порядок. Эта догма была запрограммирована глубоко в ее сущность.

Ожидать транспорт, который увезет Снайдеров прочь, — неэффективное использование времени. Шагая взад-вперед по грязному ковру, Джуди то и дело останавливалась, чтобы раздвинуть плохо подвешенные занавески, и

сканировала улицу на предмет означенного фургона. При этом репликант остро сознавала масштаб прогресса, который ждет своего часа на всех фронтах, тот факт, что мир предстоит покорить и переделать, и то, что в данный момент она никак не содействует героическим усилиям Коммуны.

Джуди почувствовала себя немного лучше, после того как достала из кладовой пылесос и принялась чистить все открытые части ковра, не оставляя ни ворсинок, ни вырванных ниток, ни единого кошачьего волоска. Но затем сквозь стеклянную столешницу кофейного столика она заметила нечто, похожее на арахис, оброненный кем-то из Снайдеров и закатившийся под мебель.

Раздраженная, оттащила кофейный столик от дивана, где послушно ждали двое ее пленников, и открыла ковер для более пристального изучения. Вдобавок к орешку она обнаружила мертвую муху. Насекомое выглядело сухим, хрупким, словно пролежало под столом много дней и могло рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения.

Арахис и муха оказались не единственным мусором. Там была и кошачья шерсть, и крошка чего-то, не поддающегося идентификации.

— Поднимите ноги! *Поднимите ноги!* — приказала она Эндрю и его матери, и те, не дрогнув

лишенными выражения лицами, подчинились, высоко вскинув колени и подняв ступни с пола.

Со свойственным членам Коммуны рвением, Джуди пропылесосила ковер перед диваном. Заметив, что и Уоррен, сидящий в кресле, тоже поднял ноги, она прошлась пылесосом и там.

Затем начала раздумывать, какие пыль и мусор могли скопиться на плинтусе за диваном и на ковре под ним. Ее посетили образы крайнего беспорядка.

Подойдя к окну, Джуди раздвинула занавески, складки которых давно не гладили с тщательностью, достаточной для обеспечения должного вида. Она посмотрела налево и направо, изучая морозную улицу. Мимо дома медленно проехала патрульная машина. Все полицейские в городе к данному моменту, за бóльшую часть дня, были заменены членами Коммуны, но Джуди это совершенно не успокоило. Лишь одно могло убедить ее в том, что захват города проходит эффективным образом: прибытие транспорта и команды, призванной забрать семью Снайдеров.

Отвернувшись от окна, репликант оглядела комнату и оценила открывшийся вид на уровне катастрофы.

Бесшумные снежные легионы мягко маршировали сквозь ночь, брали в осаду городок Рейнбоу-Фоллс штата Монтана, захватывали темные улицы. Метель облаками порохового дыма окутывала здания из красного кирпича и возвышающиеся над ними ели. Вскоре уличные ландшафты и пейзажи станут призрачными, блеклыми, апокалиптическими видениями мертвого будущего.

Не замечая холода, Девкалион передвигался по засыпанному снегом городу так, как умел двигаться лишь он один. Жуткая молния, более двух сотен лет назад пробудившая его к жизни в самой первой лаборатории Виктора, наделила его также иными способностями, в том числе и глубинным пониманием квантовой структуры реальности, интуитивным знанием базового плетения ткани, составляющей все сущее. Он знал: Вселенная неизмеримо огромна и при этом до странности тесное место. Ему было известно, что расстояние являлось фактом и иллюзией одновременно. На самом деле каждая точка Вселенной располагалась в шаге от любой иной точки. Тибетский монастырь по другую сторону мира от Рейнбоу-Фоллс в то же время находился на расстоянии шага, следовало лишь знать, как сделать его.

Девкалион знал, поэтому в мгновение ока перенесся из переулка за булочной Джима Джеймса на крышу театра Рейнбоу.

Этот город с пятнадцатью тысячами душ населения обладал атмосферой Старого Запада, потому что множество его построек датировалось концом девятнадцатого — началом двадцатого века; у них были плоские крыши с парапетами, подобными тем, за которыми в старых фильмах любили прятаться плохие парни во время перестрелок с шерифами.

Ни единое здание города не имело более четырех этажей, а театр считался одним из самых больших строений. С этого пункта наблюдения, высоко поднятого навстречу падающему снегу, Девкалион мог видеть восточную и западную стороны Коди-стрит. Большая часть заведений по причине метели закрывалась рано, но рестораны и бары оставались ярко освещенными. Вдоль обочин стояло совсем мало машин; интенсивность движения сильно сократилась в сравнении с тем, какой была всего полчаса назад.

Большой автофургон с темно-синей кабиной и белым грузовым отсеком двигался по Коди-стрит, как и три других авто. Остальные фургоны, идентичные этому, осуществляли миссию в других частях города. Чуть раньше Девкалион осознал суть задания, выполняемого парными командами

экипажей репликантов с суровыми глазами: транспортировка захваченных жителей Рейнбоу-Фоллс к местам, где они будут убиты.

Жертв заменяли двойники, созданные в вотчине Виктора, расположенной где-то по ходу Шоссе 311. Местные называли его Шоссе Конца Света, это была петля широкой двухполосной дороги протяженностью в двадцать четыре мили, проложенной во времена холодной войны. Как выяснилось, дорога не исполняла никаких других функций в этой отдаленной лесистой местности, кроме соединения подземных ракетных шахт, закрытых после распада Советского Союза. В некоторых случаях шахты забросили, а какие-то помещения, имевшие пониженную влажность, продали корпорациям для хранения особо секретных документов. Множество местных не сомневались в том, что эти шахты — лишь малая часть того, что таилось вдоль Шоссе Конца Света, и что глубже находятся подземные бункеры, построенные таким образом, чтобы выдержать несколько прямых ядерных ударов. На сей раз найти логово Виктора будет очень нелегко.

Первыми людьми, которых заменяли репликантами и убивали, конечно же, являлись работники полицейского управления и те, кто был при власти. Виктор начнет захватывать город

сверху и работать по нисходящей до последнего ничего не подозревающего жителя.

Девкалион уже видел плененных работников телефонной компании, которых направляли в один из сине-белых фургонов, после чего отвозили к складу для уничтожения.

Когда грузовик, ехавший по Коди, повернул на север, на Рассел-стрит, Девкалион безбоязненно и волшебным образом шагнул прямо с крыши театра на рифленую сталь ступеньки у пассажирской дверцы грузовика. Сидевший рядом с водителем удивленно повернул голову. Крепко вцепившись в ручку на стене кабины, Девкалион рывком открыл дверцу, проема которой едва хватало для его огромного тела. А затем сунул одну руку внутрь, схватил за горло сидящего рядом с водителем, раздавливая трахею, сдернул его с сиденья и вышвырнул на заснеженную улицу так, словно тот весил не больше пустотелого пластикового манекена из магазина одежды.

— Пристегиваться надо, — пробормотал он.

Чуть раньше этим вечером он обнаружил, что нынешнее поколение созданий Виктора куда слабее тех, которых желавший стать богом производил несколько лет назад в Новом Орлеане.

Тех существ с трудом брал даже «Урбан Снайпер», дробовик, применяемый исключительно полицией и стрелявший пулями, а не крупной

дробью. Эти же репликанты из Монтаны были крепче обычных людей, но для Девкалиона, намного превосходившего их по силе, оставались легкой добычей.

Движение грузовика отшвырнуло дверцу обратно на гиганта, но он обладал невероятной способностью терпеть боль. Вновь распахнув дверцу, Девкалион ввинтился на пассажирское сиденье и захлопнул ее за собой.

Ликвидация одного из парной команды и проникновение в транспорт заняло считанные секунды. Сбитый с толку водитель начал тормозить, лишь когда увидел, как партнера выдергивают из кабины. Девкалион, потянувшись к ключу, выключил мотор.

Удивленный, но не испуганный — эти новые репликанты, похоже, были бесстрашными, — водитель взревел и, сжав правую ладонь, ударил гиганта кулаком, но тот перехватил эту руку на середине удара, вывернул ее и сломал в запястье.

Водитель хрюкнул, однако не вскрикнул от боли. Грузовик продолжал двигаться по инерции, Девкалион же обхватил левой ладонью затылок противника, ударяя репликанта лицом о руль. Он бил его снова, снова и снова, всего дважды задев клаксон.

Петляющий грузовик быстро потерял инерцию, переднее левое колесо наехало на

обочину, с трудом взобравшись на нее, и водитель прекратил сопротивление. Фургон наконец заглох, мягко ткнувшись передним бампером в фонарный столб.

Девкалион не сомневался, что репликант уже мертв, но для верности обхватил его удушающим захватом и сломал ему шею.

Два этих убийства нельзя было назвать убийствами. Истинные душегубства являлись прямым преступлением против человечества. Данные же образцы из ныне действующей лаборатории Виктора людьми не были ни в каком смысле этого слова. Мерзость. Монстры. Лабораторные крысы.

Девкалион вовсе не ощущал вины за их уничтожение, поскольку он в конечном итоге был тоже монстром, более ранней моделью в производственном ассортименте Виктора. Возможно, он в некотором роде очистился от скверны своих давних преступлений и возвысился благодаря векам страдания. Его можно было даже назвать монстром со священной миссией, но все же по сути монстром, продуктом гордыни Виктора, созданным из тел повешенных преступников как оскорбление Богу.

Подобно любому из новых творений его создателя, он мог быть таким же безжалостным и жестоким. Если война против настоящего мира

началась, человечеству понадобится собственный монстр в качестве надежды на выживание.

Оставив труп сидеть за рулем, Девкалион вышел из грузовика. Даже в безветренную ночь такую погоду можно было назвать метелью, настолько густо сыпал снег.

Внезапно Девкалиону показалось, что падающие снежинки не отражают свечение уличного фонаря, наоборот, они сами излучают свет из глубины своей кристаллической структуры, словно стружки потерянной луны, каждая из которых обладает собственной долей лунного излучения. Чем дольше жил Девкалион, тем более волшебным он находил этот столь драгоценный мир.

Рассел-стрит, вторая главная улица, выглядела пустынной без машин и пешеходов. В этом квартале были закрыты все магазины. Но свидетель мог появиться в любой момент.

Девкалион прошел назад по следам шин и остановился возле того, кого вышвырнул из фургона. Несмотря на раздавленное горло, лабораторная крыса все еще пыталась вдохнуть и цеплялась пальцами за утрамбованный колесами снег в жалкой попытке подняться на колени. С силой наступив на шею существа, Девкалион окончил его страдания.

Труп он отнес к фургону и открыл заднюю дверь. Грузовой отсек был пуст, следующую партию невезучих жителей, обреченных на уничтожение, еще не забрали. Он зашвырнул тело в фургон. Вытащил водителя из кабины, отнес его к задней части машины, забросил в грузовой отсек ко второму трупу и закрыл дверь.

Устроившись за рулем, Девкалион завел мотор. Сдал назад, отъезжая от фонаря с тротуара на проезжую часть.

Дисплей на приборной панели высветил карту небольшого участка Рейнбоу-Фоллс. Мигающий красный индикатор GPS указал теперешнее положение фургона. Зеленая линия прослеживала путь, по которому, очевидно, водителю следовало ехать. Вверху экрана находились слова РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 3. Рядом с ними виднелись две кнопки с опциями, первая — СПИСОК, вторая — КАРТА. Вторая же в данный момент подсвечивалась.

Девкалион нажал указательным пальцем на СПИСОК. Карта исчезла с экрана, и вместо нее возник список назначений. Светился третий адрес — ФОЛЛС-ИНН — на углу Бэртус-авеню и Ривер-роуд. Судя по всему, там грузовику надлежало сделать следующую остановку.

Вдоль правого края тач-скрина вертикальной линией шли пять пунктов, каждый из которых обозначался цифрой. Светилась «3».

Когда Девкалион коснулся пальцем цифры «1», список на экране сменила другая подборка адресов. Надпись сверху теперь гласила: РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 1.

В нем тоже была подсвечена третья строка. Парная команда Транспорта № 1 к этому моменту, очевидно, успешно забрала людей по первым двум адреса и, возможно, отвезла к месту уничтожения. Следующей остановкой значилась KBOW, радиостанция, обслуживавшая не только Рейнбоу-Фоллс, но и весь прилегающий округ.

Чуть раньше этим вечером, заменив работников телефонной компании идентичными им репликантами и тем самым захватив контроль над всеми стационарными телефонами и вышками мобильной связи, армия Виктора, похоже, намеревалась взять также под контроль KBOW и таким образом предотвратить предупреждение через радио иных жителей города или обитателей небольших поселений поблизости.

Переключившись на карту, Девкалион увидел, что радиостанция находилась на Ривер-роуд, ближе к северо-восточному краю города, примерно в двух милях от теперешнего местоположения фургона. Ехать туда Транспорт № 1 должен был не более

четырёх минут, после чего парной команде предписывалось забрать вечернюю смену KBOW. А это означало, что нападение на радиостанцию могло уже начаться. Если Девкалион последует к KBOW по дороге, предложенной навигатором грузовика, к моменту его приезда шоу закончится.

Открыв водительскую дверь, он выпрыгнул из фургона... И шагнул с Рассел-стрит на парковку у радиостанции.

3

Мистер Лисс ехал в никуда через снег, пытаясь придумать, что же ему теперь делать. Намми О'Бэннон пустился в путь вместе с ним, тоже в никуда, потому что Намми не умел водить, зато был хорош в роли пассажира.

Намми неловко ощущал себя в этой машине, ведь мистер Лисс украл ее, а красть очень плохо. Мистер Лисс сказал, что ключи были в замке зажигания, значит, владелец хотел, чтобы автомобилем воспользовался тот, кому он нужен. Но они не проехали и мили, как Намми понял — это была ложь.

— Бабушка говорила, если ты не в состоянии купить то, что есть у другого, или сделать себе такое же, то не стоит и дальше хотеть это. Подобное желание называется завистью, а зависть

может превратить тебя в вора быстрее, чем масло тает на горячей сковороде.

— Ну уж прости, что я, дурак эдакий, не могу построить нам машину с нуля, — сказал мистер Лисс.

— Я не называл вас дураком. Я никого не обзываю. Это невежливо. Меня самого часто дразнят.

— А я люблю обзывать людей, — промолвил мистер Лисс. — Меня это радует. Мне *приятно* дразнить других. Маленькие дети почти всегда плачут от того, как я их обзываю. И никто не смеет говорить мне, что я не могу делать того, что приносит мне столько невинного удовольствия.

Мистер Лисс уже не выглядел таким страшным, как давеча в тот же день. Коротко подстриженные седые волосы старика все еще торчали во все стороны, будто напуганные гадкими мыслями в его голове. Лицо мистера Лисса до сих пор морщилось, словно он только что откусил кусок лимона, глаза оставались такими же опасно-голубыми, как язычки газового пламени, крошечные лоскутки сухой кожи все так же топорщились на его потрескавшихся губах, а зубы были серыми. Казалось, он мог неплохо существовать без еды или воды, питаясь одной лишь злостью. Однако определенная доля страха,

который он внушал, отступила. Порой он мог даже вызвать симпатию.

Намми никогда не злился. Он был слишком глуп, чтобы злиться. И это одно из преимуществ того, что ты действительно глуп, настолько, что тебя даже не заставляют ходить в школу: твой мозг не способен задуматься так серьезно, чтобы из-за чего-то разозлиться.

Он и мистер Лисс были странной парочкой, напоминающей тех чудаковатых двоих, которых Намми видел в некоторых фильмах. Там эти закидонистые люди всегда копы, один из них спокойный и добрый, а второй сумасшедший и смешной. Намми и мистер Лисс точно не были копами, однако они действительно очень отличались друг от друга. Мистер Лисс был сумасшедшим и смешным. Вот только не очень смешным.

Намми уже исполнилось тридцать, а мистер Лисс, похоже, был старше всех живущих на свете людей. Намми — пухлый и круглолицый, с веснушками, а мистер Лисс как будто состоял из одних костей, хрящей и толстой кожи с миллионом складок, как на старой истрепанной кожаной куртке.

Иногда мистер Лисс казался таким интересным, что от него невозможно было отвести взгляд, как от таймера бомбы в кино, на котором

сменяют друг друга маленькие красные цифры. Однако порой, если слишком долго смотреть на него, возникала усталость и приходилось отворачиваться, чтобы дать глазам отдохнуть.

Снег, на вид очень мягкий и холодный, парил в темноте, словно крошечные ангелы в белых одеяниях.

— Снег очень красивый, — сказал Намми. — Сегодня хорошая ночь.

— О да, — отозвался мистер Лисс. — Это волшебная ночь, потрясающая красота, куда ни глянь, красивей всех чудеснейших рождественских открыток, сколько бы их ни выпускали, вот только бешеные монстры марсиане по всему городу жрут людей быстрее, чем дробилка может смолотить чертову картофелину!

— Я не забыл про марсиан, — сказал Намми. — Если они марсиане. Однако ночь все равно красивая. Так что вы хотите делать: доехать до окраины города и посмотреть, там ли еще полицейские с блокпостом на дороге?

— Они не полицейские, парень. Они чудовища, которые притворяются копами, и они будут там, пока не сожрут всех в городе.

Мистер Лисс ехал медленно, иногда задняя часть машины виляла или скользила то к одной обочине, то к другой. Он всегда перехватывал контроль раньше, чем они во что-то ударялись, но

им уже требовался автомобиль с цепями на колесах или на зимней резине.

Если мистер Лисс угонит другую машину с цепями на колесах и если Намми поедет с ним, зная с самого начала, что это воровство, он, наверное, и сам превратится в вора. Его вырастила бабушка, так что плохие вещи, сделанные Намми, наверняка станут ее позором перед Господом, рядом с которым она сейчас.

Намми сказал:

— Вы не узнаете, там ли чудовища-полицейские, пока не поедете и не посмотрите.

— А я знаю и так.

— Как вы можете это знать?

— Да потому, что я ужасный гений, — сказал мистер Лисс, брызгая слюной и сжимая руль настолько сильно, что костяшки его пальцев стали острыми как ножи. — Я просто *знаю* такие вещи, мозг у меня вот такущий. Сегодня утром в тюрьме мы двух минут не были знакомы, а я уже понял, что ты дурачок, разве нет?

— Это правда, — признал Намми.

На перекрестке перед ними полицейская машина проехала с юга на север, и мистер Лисс сказал:

— Это плохо. На машине нам из города не выбраться. Придется найти другой способ.

— Наверно, мы сможем выбраться так же, как вы забрались в него. Я всегда хотел покататься на поезде.

— В холодном пустом товарном вагоне не очень-то волшебно и забавно, поверь мне. Что ни говори, а депо у них тоже под колпаком.

— Ну, летать мы не можем.

— О, не знаю, — сказал мистер Лисс. — Если твоя черепушка настолько пуста, как кажется, я могу привязать к твоим ногам корзину, задуть в нос горячего воздуха и улететь на тебе, будто на старом большом воздушном шаре.

Примерно квартал Намми размышлял об услышанном, а старик включил стеклообогреватель, и ветровое стекло, начавшее индеветь по краям, снова очистилось. Затем он пробормотал:

— Это совершенно бессмысленно, разве что вы пытаетесь сказать гадость.

— Возможно, ты прав.

— Я не знаю, почему вы постоянно так делаете.

— У меня это хорошо получается. А людям нравится делать то, что у них хорошо выходит.

— Но вы уже не так плохо ко мне относитесь, как в самом начале, когда мы только познакомились.

После недолгой паузы мистер Лисс ответил:

— Ну, Персик, у меня свои взлеты и падения. Никто не может быть хорош в чем-то на сто процентов 24/7.

Мистер Лисс иногда называл его Персиком. Намми не знал почему.

— Несколько раз, — сказал Намми, — я даже почти подумал, что мы, может быть, становимся друзьями.

— Не нужны мне никакие друзья, — отрезал мистер Лисс. — Так что возьми «Клинекс» и высморкай эту мысль из головы прямо сейчас. Высморкай, потому что она соплива. Я одиночка и бродяга. А друзья виснут на человеке грузом. Друзья — это всего лишь будущие враги, ждущие своего часа. В мире нет ничего хуже дружбы.

— А бабушка всегда говорила, что в жизни *главное* дружба и любовь.

— Ты только что напомнил мне, что *есть* одна штука хуже дружбы. Любовь. Ничто не уничтожит тебя быстрее, чем любовь. Это яд. Любовь убивает.

— Я не могу представить, как это может быть правдой, — сказал Намми.

— А ведь так и есть.

— Нет, не так.

— Не смей называть меня лжецом, парень. Я вырывал глотки тем, кто называл меня лжецом. Я

отрезал им языки и жарил с лучком на завтрак. Я опасный сукин сын, когда разозлюсь.

— Я не говорил «лжец». Вы просто ошибаетесь насчет любви, просто ошибаетесь — и все. Бабушка любила меня, и любовь меня не убила.

— Она умерла, разве нет?

— Ее убила не любовь, а болезнь. Если бы я мог забрать в себя ее рак и умереть вместо нее, я бы сейчас был мертвый, а она живая, здесь, с вами.

Минуту они ехали молча, затем мистер Лисс сказал:

— Тебе не всегда стоит слушать меня, парень, или принимать то, что я говорю, слишком серьезно. Не все мои слова гениальны.

— Возможно, бóльшая часть, но не то, что вы только что сказали. Знаете что? Может, нам удастся скатиться.

— Что удастся?

— Ну, на снегоходе.

Мистер Лисс аккуратно подвел машину к обочине и затормозил.

— Мы сможем уйти по земле. Но достаточно ли там снега? Его вроде как выпал только дюйм.

— Он глубже дюйма, — сказал Намми. — И его быстро становится еще больше.

— И где мы возьмем снегоход?

— У людей они есть по всему городу. И есть еще место, где их продают на Медвежьей тропе.

— Еще одна чертова улица с «медведем» в названии. У того, кто называл улочки этого богом забытого захолустья, воображение было как у пенька.

— Как я уже говорил, в округе водится много медведей. А зебр и тигров, чтобы назвать в их честь улицы, у нас нет.

Старик сидел молча примерно минуты две, наблюдал, как падает снег, словно тоже в конце концов понял, что это красиво. Для мистера Лисса это была долгая пауза, он всегда и по поводу всего имел что сказать. Намми обычно хорошо воспринимал молчание других людей, но в исполнении мистера Лисса это выглядело тревожно, потому что Намми вынужден был задуматься, что же тот замышляет.

Наконец мистер Лисс промолвил:

— Персик, ты лично знаешь кого-нибудь со снегоходом?

— Я знаю нескольких.

— Например?

— Например, Боза.

— Боза?

— Офицера Барри Бозмана. Люди называют его Боз. Он много смеется. И с ним чувствуешь себя не хуже других.

— Он мертв, — отрезал мистер Лисс. — Если он коп, они убили его и заменили одним из своих двойников.

Намми следовало самому понять, что Боз мертв, ведь даже начальник полиции Рафаэль Хармильо теперь являлся одним из пришельцев, так что и все остальные копы наверняка были такими же. Всех настоящих полицейских убили и съели, как это случилось утром со всеми людьми, сидевшими в камере рядом с той, откуда сбежали Намми и мистер Лисс.

Бабушка всегда говорила: не важно, насколько все печально, нужно помнить, что когда-нибудь ты снова будешь счастлив, поэтому надо продолжать жить. Важно, говорила она, продолжать жить, быть счастливым и поступать правильно, потому что, если ты будешь жить достаточно долго, достаточно счастливо и достаточно часто делать хорошие вещи, ты будешь жить с Богом. Тех, кто бросает дело, Бог не любит.

— Он женат? — спросил мистер Лисс.

— Кто?

— Да черт возьми, парень, в твоей голове столько пустого места, что его можно сдавать в аренду, так как у тебя между ушей целый чертов склад, забитый пустыми полками. Боз! О ком еще я могу спрашивать? Боз женат?

— У Кику голова раздулась, она отправилась в Тихие, а та просто улетела, вот так вот — не угадаешь.

Мистер Лисс сжал большой костлявый кулак, и Намми вздрогнул, потому что подумал, что старик его ударит. Но затем мистер Лисс вздохнул, разжал кулак, похлопал Намми по плечу и сказал:

— Может, тебе стоит повторить это, только теперь по-английски.

Намми, удивившись, ответил:

— Но я и говорил по-английски.

— Скажи мне это на другом английском.

— Но я знаю только один вид английского.

Узловатая кисть мистера Лисса снова сжалась, между тем он опять не ударил Намми. Он поднес кулак ко рту и некоторое время кусал костяшку, а потом спросил:

— Что такое Кику?

— Это миссис Бозман, как я и сказал. Она была милой японской леди.

— Что ты имел в виду под «ее голова раздулась»?

— От укуса пчелы в шею. У нее была аллергия, но этого никто не знал, пока пчела не укусила. Говорили, ее лицо раздулось, как воздушный шарик.

— Что ты имел в виду под «отправилась в тихие»?

— «Тихие Поляны». Кладбище за Браун Бэр роуд. Пчела ужалила ее и просто улетела, но Кику умерла, так что вот так вот — в жизни не угадаешь.

— Дети у них есть?

— У Боза и Кику? Нет. И это хорошо, потому что Боз теперь тоже умер и их дети стали бы сиротами, бедными и несчастными.

— Нет, они стали бы едой для чудовищ, как этот ваш Боз. И, раз уж он коп, а теперь монстрокоп, — продолжил мистер Лисс, — мы можем забрать его снегоход, потому как его не будет дома, чтобы остановить нас. Все копы на улицах и заняты, убивают людей, строят те коконы, которые мы видели, и занимаются другими вонючими, мерзкими вещами, подобными тем, что творят их инопланетные друзья.

— Я не заметил, чтобы они воняли, — сказал Намми.

— О, они воняют. Еще как воняют.

— Наверное, у меня что-то не то с носом.

4

За рулем джипа «Гранд-Чероки», щурясь сквозь снег, Карсон О'Коннор-Мэдисон — с Майклом Мэдисоном — курсировала по Рейнбоу-Фоллс, охотясь на монстров.

Чуть раньше Девкалион сообщил им о большом количестве немаркированных фургонов с темно-синими кабинами и белыми грузовыми отсеками, которые исполняли миссию, достойную Аушвица ³, — собирали насильственно подчиненных горожан, а затем отвозили к месту их уничтожения на складе. Они уже обнаружили один из фургонов и попытались допросить парную команду в кабине, притворившись такими же творениями Виктора. Но водитель быстро распознал обман, сказал «вы не члены Коммуны», после чего оставалось только убить или быть убитыми.

Из предыдущего столкновения Карсон узнала, что убить этих новых големов⁴ Виктора сложнее, чем обычных мужчин или женщин, но куда проще, нежели его предыдущих созданий в Нью-Орлеане. Она не знала, почему он прекратил выпускать почти неуязвимый вид, который называл Новой Расой, разве что по причине своей неспособности

³ Аушвиц — концентрационный лагерь и лагерь смерти, немецкое название Освенцима.

⁴ Гóлем — персонаж еврейской мифологии, искусственный человек, созданный из глины для исполнения разных черных работ, трудных поручений и пр.

полностью и постоянно контролировать их, что вселило в него некий страх перед собственными созданиями.

Не в силах придумать никакого другого занятия, теперь они искали очередной сине-белый фургон в надежде ранить, а не убить команду. Используя нужные техники допроса с пристрастием, можно было заставить раненых раскрыть нынешнее местоположение базы Виктора.

Снег затруднял поиски, уменьшая видимость и препятствуя мобильности даже полноприводного автомобиля. Карсон была уличной гонимой, но это состояние дороги тормозило ее. Снег мешал.

Карсон родилась в Байо: она была луизианской девчонкой, любила каджунскую кухню⁵ и танцевала зидеко⁶. Будучи детективом по

⁵ Каджуны — своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи. В рецептах каджунской кухни обязательно присутствуют три неизменных компонента — сельдерей, лук, перец и приправы. Все ингредиенты доводятся до готовности как можно быстрее, чтобы сохранить питательные вещества; основной гарнир — рис.

⁶ Зидеко — народный танец с быстрым темпом, популярный среди креольского и каджунского населения.

расследованию убийств в Новом Орлеане, Карсон разыскивала Виктора Гелиоса, известного как Франкенштейн, и, после того как он и все его создания в городе умерли, она смогла смотреть на то дело как на захватывающее приключение. По правде говоря, при всем пережитом ужасе, Карсон и ее напарник, Майкл, теперь ставший мужем, получали удовольствие. Полицейская работа всегда развлекала. Лучшее веселье — убивать плохих парней: оружие было классным. Даже когда в тебя стреляли, было весело, пока стрелки продолжали промахиваться.

Карсон и Майкл больше не работали полицейскими, они стали частными детективами и жили теперь в Сан-Франциско. Здесь, в Монтане, Майкл и Карсон оказались в чуждой для себя среде и без полномочий, хотя и не без тяжелого вооружения, включая «Урбан Снайперы», дробовики, стрелявшие пулями, способными завалить гризли. Вооружение такой силы само по себе обладало авторитетом. Но, несмотря на обладание оружием, хотя оно и лежало в суперкрутых черных гортексово-термолитовых чемоданах, они не смеялись с тех пор, как метель еще не началась, и перспективы посмеяться казались призрачными, ведь ситуация в Рейнбоу-Фоллс была просто отчаянной.

— Хренов снег, — пробормотала Карсон.

— Это замечание я слышу от тебя уже примерно в десятый раз, — отозвался Майкл.

— Я тебе наскучила? Наш брак окончен? Хочешь себе другую женщину, которая будет говорить про снег только хорошие вещи?

— Вообще-то скука меня заводит. Развлечений мне хватило на целую жизнь. Так что чем скучнее ты становишься, тем больше я завожусь.

— Джонни Кэш, ты едва удержался в рамках. Лучше следи за собой.

В этом южном пригороде частная собственность исчислялась половинами акров или чуть больше. Вечнозеленые деревья выросли настолько высоко, что верхушки словно вплетались в само небо, а дома́ под ними по контрасту казались меньше, чем были.

Здесь царила атмосфера Черного Леса, сказки, но такого леса, в котором в любой момент может появиться тролль с неумным аппетитом. Сквозь рваную пелену густо падающего снега казалось, будто огни в окнах каждого дома мерцают обещанием тайны и волшебства.

Один дом, стоявший чуть поодаль от улицы в сравнении с остальными — примерно на акр, — казался центром существенной активности. Несколько пикапов и внедорожников были припаркованы на подъездной дорожке у дома под

разными углами друг к другу, моторы работали, фары светили на полную. Клубы выхлопов поднимались сквозь снег и смешивались с яркими лучами. Прошивая темноту и метель, они на разном отдалении от дома выхватывали светом потрескавшиеся стволы деревьев.

Поскольку в этом районе не было ни тротуаров, ни фонарей, Карсон выехала на обочину и остановилась, чтобы лучше оценить увиденное. У машин стояло несколько человек, и кто-то — с такого расстояния виднелся лишь неясный силуэт — застыл на крыльце, словно охраняя вход в дом. Комнаты за каждым окном были ярко освещены, то и дело за стеклами мелькали быстрые силуэты.

— Мы или они? — поинтересовался Майкл.

Взглянув мимо него на дом, Карсон ответила:

— Сложно сказать.

Ее внимание отвлек резкий стук в стекло водительской дверцы. Снаружи оказался мужчина с моржовыми усами, в шинели и шляпе-стетсоне⁷, постукивающий по стеклу дулом дробовика, нацеленного в лицо Карсон.

⁷ Ковбойской шляпе.

Транспорт № 1 еще не прибыл, когда Девкалион шагнул с далекой Рассел-стрит на парковку перед KBOW. К тому моменту четыре машины выстроились в ряд по левую сторону от здания, а у главного входа, там, где парковка не предполагалась, стоял «Форд-Эксплорер».

Судя по пару, поднимавшемуся от снега, падающего на капот «форда» и тут же тающего, мотор внедорожника заглушили всего мгновение назад.

В одноэтажном кирпичном здании находилась радиостанция. За домом возвышалась сетчатая башня радиопередач, увенчанная красными огоньками, мигавшими высоко в снежной ночи.

Двое мужчин, очевидно, из «эксплорера», подошли к входной двери. Девкалион был за их спинами, поэтому они не знали о его приближении. Скорее всего, это люди Виктора, передовая команда, ведущая наступление на ночную смену станции. Но он не мог атаковать их, не получив хоть какого-либо доказательства их намерений.

Сделав единственный шаг, Девкалион перенесся с парковки в приемное фойе за главным входом. Свет был приглушен, и за стойкой никого.

Услышав звук ключа в замке передней двери, Девкалион, развернувшись на каблуках, в тот же

миг нырнул из фойе в коридор за закрытой дверью. Он опережал явившихся, для чего надо было верно предугадывать их следующие шаги. Динамики под потолком тихо вещали голосом нынешнего ведущего. Судя по его словам и легкому монтанскому акценту, он, скорее всего, местный, к тому же в эти непопулярные часы суток было бы неразумно использовать главных звезд.

На первой двери налево значилось «Мужской». Девкалион шагнул в маленький туалет, где пахло сосновым освежителем для унитаза. Свет он включать не стал, но дверь оставил приоткрытой на дюйм для наблюдения за коридором.

Девкалион услышал, как они входят в приемное фойе, и миг спустя они прошли мимо, даже не взглянув в его направлении. Вид у них был суровый и решительный.

Пройдя еще немного по зданию, они открыли дверь, и кто-то в той комнате сказал:

— Уоррен? Разве ты не ушел домой?

Поскольку при входе дверь туалета отворилась бесшумно, Девкалион, смело распахнув ее снова, шагнул в коридор за Уорреном и его сопровождающим. Они уже исчезли в комнате, расположенной дальше по коридору, оставив дверь нараспашку.

Тот же голос, что приветствовал Уоррена, внезапно зазвучал тревожно: